

УДК 82-94

**БАРОН ДЕ БАЗАНКУР:
ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.
ЧАСТЬ VI.
ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКА:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА**

Орехов В. В.

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
e-mail: v-orehov@mail.ru*

В статье рассматривается период творческой биографии барона де Базанкура с момента выхода исторического труда «История Сицилии...» (1846) до публикации наиболее объемного романа «Монтаньяр, или Две республики. 1793 год – 1848 год» (1850–1851). На творческие планы писателя существенное влияние оказала революция 1848 г. В условиях обострившейся политической борьбы он оказался в «лагере» монархистов и старался адаптировать свою художественную манеру к требованиям политической газеты «L'Assemblée nationale». Слабый успех романа «Ангел и демон» (1848) продемонстрировал, что прежние темы и приемы приключенческого романа-фельетона не находят отклика у поглощенной политическими вопросами аудитории. Роман «Монтаньяр...» стал ответом писателя на изменившуюся политическую конъюнктуру и обновленный читательский запрос.

Ключевые слова: Революция 1848 г., монтаньяры, А. Дюма, роман-фельетон, тенденциозность.

ВВЕДЕНИЕ

Долгое время барон де Базанкур был известен в основном как беллетрист, часто обращавшийся к исторической теме. Однако в 1846 г. он опубликовал «Историю Сицилии под господством норманнов» – исторический труд, который вызвал неподдельное и в целом благожелательное внимание критики. С этого момента барон де Базанкур приобрел репутацию не только романиста, но и серьезного историка, что способствовало укреплению его авторитета в официальных кругах. В июне 1846 г. министр народного просвещения Н.-А. де Сальванди поздравил президента Общества литераторов Ж.-П.-Г. Вьенне с тем, что несколько членов Общества удостоились звания кавалеров ордена Почетного легиона. Помимо де Базанкура, это были Леон Гозлан, Ипполит Люка, Леон Галеви, Эрнест Алби и Арсен Уссе [45]. Заметим, что почти все авторы проявили себя, помимо публицистики и беллетристики, в сфере исторических изысканий – не всегда строго научных, но все же укрепляющих у публики интерес к истории.

Априори можно сказать, что репутация историка, завоеванная Базанкуром в 1846 г., должна была каким-то образом способствовать его будущей миссии (1854) на крымский театр военных действий в качестве официального корреспондента и историографа. Должна была способствовать, но могла ли быть решающим фактором? Ведь синхронно с Базанкуром изучением и популяризацией истории с неменьшим успехом занимались и другие авторы. Кроме того, миссия в Крым осуществлялась уже в новой политической реальности: не только при ином правительстве, но и при иной государственной системе. То есть официальный авторитет, завоеванный при Июльской монархии, Базанкуру необходимо было в эпоху Второй республики и Второй империи «нарабатывать» заново, что удалось далеко не всем известным литераторам и историкам.

Цель статьи – проследить, каким образом менялась творческая стратегия барона де Базанкура в условиях политического и литературного кризисов эпохи революции 1848 г. и Второй республики.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Миссия невыполнима

Видимо, сразу после выхода «Истории Сицилии...» и ее признания барон де Базанкур начал строить некоторые профессиональные планы, которые базировались на укреплении личного официального статуса. Во всяком случае на такую мысль наводит эпизод, о котором известно немного, но который, кажется, способен подсказать, каким образом позднее, в эпоху Крымской войны Базанкур получит министерское поручение описывать актуальные боевые действия.

В сентябре 1847 г. газеты сообщили, что барон покинул Париж и отправился в Тунис для выполнения некой «миссии» [30; 39]. О задачах «миссии» не говорилось, но газеты уточняли, что по роду деятельности Базанкур литератор. И это уточнение, наверняка, делалось в расчете, что читатель припомнит иную «литературную миссию» в Тунис, которая полугодом ранее бурно обсуждалась прессой.

Речь идет о поездке в Северную Африку А. Дюма в ноябре 1846 – январе 1847 гг. По воспоминаниям романиста, инициатором поездки был уже упомянутый министр народного просвещения Н.-А. де Сальванди, который решил использовать перо известного литератора для популяризации преобразований, предпринимаемых правительством в африканских колониях [25, р. 194–198]. В распоряжение Дюма, решившего отправиться в путь с целой компанией спутников, были предоставлены 10 000 франков и даже военный корабль [27, р. 434]. Путешествие действительно привлекло к себе широкое внимание, причем прежде, чем романист успел описать его в книге «*Le Vélocé, ou Tanger, Alger et Tunis* [“Велос”, или Танжер, Алжир и Тунис]».

После отъезда Дюма выяснилось, что у него остались неисполненные обязательства перед газетами «*Le Constitutionnel*» и «*La Presse*», куда он должен был регулярно сдавать главы своих романов-фельетонов. Поскольку теперь газеты стали нести убытки, редакции обратились в суд. Дюма был вынужден вернуться в Париж. И уже 29 января 1847 г. участвовал в судебном заседании, собравшем множество любопытных. Дюма защищал себя «гордо и эффектно, как следует драматическому писателю» [9, с. 66], и сумел превратить заседание в театральное представление, широко обсуждавшееся прессой даже за пределами Франции. Так, «*Современник*» посвятил «процессу Дюма» несколько страниц в «*Современных заметках*» [9].

На волне шумихи к миссии Дюма оказалось привлечено и внимание парламента. На заседании 10 февраля депутаты остро высказали претензии правительству за то, что «исследование Алжира» было поручено «подрядчику-фельетонисту» [20, р. 2] и потребовало немалых казенных сумм. Дюма откликнулся на это открытым письмом [26] и даже вызывал депутатов на дуэль [10, с. 610].

Словом, Дюма сумел обратить скандал в забавный фарс, делавший ему рекламу, но правительство от его «африканской миссии» терпело лишь финансовые и репутационные издержки. На упомянутом заседании суда романист, конечно, заявил,

что готов представить рукопись своего алжирского вояжа в считанные дни [43, р. 4], но объем его прочих литературных «долгов» давал повод в этом усомниться. Действительно, повествование о поездке по колониям начнет публиковаться лишь в следующем 1848 г.

Логично предположить, что в такой ситуации барон де Базанкур в середине 1847 г. мог предложить правительству собственные услуги по литературному «освоению» африканских колоний. В пользу Базанкура говорило, например, то, что он был знаком со многими «африканскими» офицерами: его сестра Софи, напомним, была замужем за Франсуа д'Арбувилем, долгое время служившим в Африке и к тому времени уже имевшим чин бригадного генерала [36, р. 241]. Африканские сослуживцы генерала были постоянными гостями салона м-м д'Арбувиль [33, р. 160], и с ними, конечно, встречался Базанкур. Кстати, в 1851 г. Базанкур напишет некролог, посвященный памяти полковника д'Эспине, где продемонстрирует хорошее знание многих африканских кампаний [14].

Решать вопрос с поездкой в Тунис Базанкур мог через того же министра народного просвещения Сальванди, опрометчиво поручившего в 1846 г. «африканскую миссию» Дюма. Во-первых, Сальванди был заинтересован загладить негативный эффект от предыдущей «миссии». Во-вторых, он должен был хорошо знать барона. Министр был близок к кругу доктринеров, к которому принадлежал дядюшка Базанкура П. де Барант; часто посещал салон, принадлежавший сестре Базанкура [42, р. 47; 33, р. 160]; и, кстати, не столь давно рекомендовал Базанкура к званию кавалера ордена Почетного легиона [45].

В наше время антикварным книжным магазином «Librairie Trois Plumes» (г. Анже) на продажу выставлен документ [19], дополняющий картину. Это послание, написанное рукой Базанкура. В сети цифровая копия документа дана в плохом качестве, но все же удается разобрать дату почтового штемпеля – 5 сентября 1850 г., имя адресата – Жюль Жанен и обрывки фразы: «Я написал мое путешествие в Тунис, но форма <неразб.>. Я хотел бы передать его тебе и попросить взять в “Journal des Débats” <...>» [19]. То есть поездка в Тунис действительно состоялась и нашла отражение в путевых записках Базанкура, которые были завершены только в 1850 г. Время публикации, в каком-то смысле, было выбрано обоснованно. Как помним, в июне 1850 г. Базанкур в качестве секунданта участвовал в дуэли между литераторами А. Ашаром и П. Фиорентино [6, с. 40–41]. Позднее судебное разбирательство по этому делу широко освещалось прессой. Все причастные к поединку были оправданы, но их имена, что называется, оказались на слуху. 1 сентября 1850 г. «Journal des Débats» опубликовала стенограмму этого судебного заседания (там выступал и Базанкур) [24], а уже 5 сентября Базанкур обратился в эту же газету с просьбой опубликовать текст путешествия, видимо, желая использовать инерцию читательского интереса к своему имени.

Однако просмотр номеров «Journal des Débats» за последующие месяцы говорит, что рукопись все же не была напечатана. Причина, кажется, на поверхности. В феврале 1848 г. правительство, которое могло поручить Базанкуру описание Туниса, ушло в историю вместе с эпохой Июльской монархии. Поручение утратило силу, и, видимо, потому текст был написан лишь к 1850 г. Но теперь, во-первых, этот

текст мог восприниматься политически неуместным (поскольку рекламировал достижения «прежней власти»), а во-вторых, Франция оказалась захвачена внутренними процессами, и проблемы колоний явно не находились на острие внимания. Можно резюмировать, что выполнению первой официальной миссии барона де Базанкура помешала политическая ситуация. Но организационный опыт им был приобретен: стало понятным, какие механизмы следует задействовать, чтобы поставить свое перо на государственную службу.

«Ангел и демон»

Теперь актуализируется вопрос: каким образом Базанкур в дальнейшем сумел «вписаться» в новый политический ландшафт и в 1854 г. получить миссию в Крым? Вернемся к эпохе 1848 г. После Февральской революции Франция бурлила. Весенние декреты освободили прессу, борьба политических групп требовала новых печатных трибун, количество газет значительно возросло [31, р. 16]), соответственно, расширились печатные дискуссии. Возможно, в этом контексте нужно рассматривать дуэль, состоявшуюся 8 мая 1849 г. между одним из редакторов газеты «Dix-décembre» Амеде Ашаром и главным редактором газеты «Vraie République» Э.-Ж.-Т. Торе. О сколько-нибудь серьезных ранениях дуэлянтов не сообщалось, но обратим внимание на такой момент.

Если верить публикациям в прессе, то поводом для конфликта послужило то, что «г-н Ашар, кажется, упомянул в своей газете стиль, шляпу и бороду демократического социалиста» [37], то есть Торе. Очевидно, что формальный повод имел политическую подоплеку. Газета Торе «Vraie République [Истинная Республика]» держалась левой направленности (к моменту дуэли, она, кстати, уже была закрыта властями). Газета же «Dix-décembre [Десятое декабря]» имела бонапартистский характер. И примечателен выбор секундантов: со стороны Торе – социалист Феликс Пиа, а со стороны Ашара – известный аристократическими симпатиями барон де Базанкур.

Напомним, что через год для очередной дуэли Ашар снова выберет в качестве секунданта барона де Базанкура [6, с. 40–41]. И дело, думается, не только в возможной личной дружбе или очевидной близости творческих интересов (оба писали романы «плаща и шпаги»), но еще и в партийном «родстве». Оба сотрудничали с ежедневной газетой «L'Assemblée nationale», которая была создана в марте 1848 г. как оплот консервативных партий в борьбе, прежде всего, против левых сил. Только за следующий месяц она приобрела 27 000 подписчиков [1, с. 347]. По мнению жившего тогда в Париже П. В. Анненкова, взрывной рост популярности газета обеспечила «своими шумливыми, желчными и иногда крайне меткими нападениями и откровениями касательно террористической и социальной партий» [1, с. 347]. В этой борьбе Ашар и Базанкур принадлежали к одной политической «группе».

Так, «L'Assemblée nationale» ставила перед собой политические задачи (подробнее об этом далее), но для привлечения аудитории было недостаточно лишь полемических и новостных материалов. Удерживать интерес нужно было и за счет публикаций развлекательного характера, в том числе романов-фельетонов, которые с

осени 1848 г. начинают помещаться «L'Assemblée nationale». И вот А. Ашар (хоть и был известен острой публицистикой) с 15 февраля 1849 г. печатал в газете свой исторический приключенческий роман «La Chasse royale [Королевская охота]», действие которого отнесено к началу XVIII в. [12]. А незадолго перед тем, с 14 ноября по 10 декабря 1848 г. [17; 16] в этой же газете Базанкур напечатал роман «Ангел и демон».

Действие разворачивается в Нью-Йорке. Главный герой – молодой граф Морис де Сен-Леон, растративший на родине наследственное состояние и бежавший в США от кредиторов. Здесь он живет карточной игрой, но, сделав новые долги, попадает в зависимость от преступника по прозвищу Барбаросса (Рыжая борода), вхожего и в светские салоны, и в мир криминального общественного дна.

Между тем Морис спасает от несчастного случая Ангелину – юную супругу богача-банкира, к которой проникается бескорыстной привязанностью. Это чувство пробуждает в нем надежду на избавление от грехов прежней жизни, но ставит под угрозу безопасность Ангелины, поскольку Барбаросса использует юношу, чтобы втереться в доверие к банкиру. Мечта преступника – похитить бриллианты Ангелины, настолько ценные, что они, в представлении Барбароссы, равны «богатствам какого-нибудь русского князя» [15, р. 220].

Морис отчаянно пытается освободиться от кабалы преступника и защитить Ангелину, однако Барбаросса все же решается на ограбление. Он проникает в дом, но злонамеренные планы рушатся: Барбаросса убивает заметившего его банкира и в результате поднявшегося шума попадает в руки полиции.

То есть гибель банкира используется автором как «*deus ex machina*», чтобы «подверстать» развязку под требования счастливого финала: порок наказан, Морис оправдан, Ангелина теперь свободна; взаимной любви ничто не мешает. При этом автор по своей традиции использует множество высокопарных выражений. Скажем, в ситуации, когда Ангелина помогает Морису исправиться, а Барбаросса, напротив, принуждает его вернуться на порочную стезю, главный герой восклицает: «Ангел спасения показал себя, но вот возвращается демон» [15, р. 94]. Если главный герой смотрит на возлюбленную, то описывается это так: «Морис посмотрел на нее, как проклятые смотрят на небеса из пучин ада» [15, р. 228].

Критики роман не заметили, но в 1850 г. он вышел отдельной книгой [15]. А в 1852 г. был напечатан снова, однако под измененным названием: вместо «Ангел и демон» – «Крылья ангела» [18]. Что интересно, под этим заглавием сочинение Базанкура попало в личную библиотеку супруги Николая I императрицы Александры Федоровны [5].

А в начале 1850 г. Базанкур издал еще один роман «Les hommes noirs, histoire espagnole [Люди в черном. Испанская история]». На выход книги, кажется, откликнулась лишь газета «Dix-décembre» – та самая, с которой сотрудничал А. Ашар. Лаконичная рецензия напоминала рекламное объявление и характеризовала содержание романа так: «Здесь молодость и сердце, энергично борющиеся с беспрестанными препятствиями, порою возгласы радости, любви и триумфа, порою слезы отчаяния и часы уныния. Всякий пожелает прочесть эту трогательную и правдивую историю, которой мы предсказываем большой успех» [38]. Не исключено,

что эти слова – дань благодарности Ашара своему секунданту, но так или иначе, тираж книги, видимо, был невелик, поскольку отыскать ее в каталогах и библиотечных собраниях крайне сложно. И потом: почему этот роман не печатался в «L'Assemblée nationale», как это было с «Ангелом и демоном»?

1848 год: литература и политический запрос

Если не знать дату публикации «Ангела и демона», можно было бы предположить, что роман создавался в относительно безмятежный период Июльской монархии – столь мало он отличается от фельетонных сочинений Базанкура первой половины 1840-х гг. Между тем, к осени 1848 г., то есть к моменту выхода романа «Ангел и демон», жизнь страны изменилась радикально.

Кредит доверия к Июльской монархии снижался давно. Латентность процесса рождала ощущение, что столкновения в парламенте, экономические кризисы, жалобы беднейших слоев – неизбежная рутинная незыблемая политическая система. Даже знаменитые «банкеты реформистов», начавшиеся в конце 1847 г., воспринимались как ситуативная помеха, устраняемая простым ужесточением запретительных мер. В высших кругах общества и администрации не было предчувствия социального взрыва. А. Н. Карамзин, сын знаменитого историка, жил в это время в Париже, был вхож в светское общество и так характеризовал царившее там настроение: «<...> Полная беспечность всех людей, имевших власть, и большинства, с которым я был в ежедневном общении; это большинство не только отрицало опасность, но и было убеждено, что страхи и опасения “ясновидцев” были воображаемые» [4, с. 26]. Именно к этим кругам принадлежал Базанкур, и, надо думать, для него революция также оказалась неожиданностью.

Даже 23 февраля, когда на улицах появились баррикады, на общественном олимпе еще казалось, что все можно остановить, если сменить правительство и вместо Гизо назначить, например, дядюшку Базанкура графа Моле. Но уже 24 февраля под натиском восставших парижан Луи-Филипп отрекся от престола.

Режимом Луи-Филиппа были недовольны многие: от беднейших слоев до либеральной группы орлеанистов; многие внесли вклад в разрушение системы, но решающую роль сыграла сила, которую до сих пор не учитывали в качестве осмысленного участника государственного устройства. Это городское простонародье, которое со времен Великой французской революции пугало, воспринималось как фактор стихийный, ведомый коллективными эмоциями, опасный, способный к жестокости и самоотвержению, но не к самостоятельной политике; «рабочая сила» революции, не принимающая решений. Однако теперь парижское простонародье было уже иным. Эта сила оказалась представлена не только мелкими лавочниками, но и десятками тысяч рабочих, проявляла способность почти моментально приступать к действиям и консолидироваться с самыми разными социальными группами, а главное, теперь эта сила впитала доктрины социалистического и коммунистического толка, то есть имела довольно четкие представления, в каких именно формах государственной организации должны выражаться принципы свободы, равенства и братства.

После отречения Луи-Филиппа революционеры разных групп сформировали временное правительство во главе с Ламартином. Так вот: «красным» удалось не только добиться, чтобы в правительство вошли социалист Луи Блан и представитель рабочих, но и принудить это правительство провозгласить республику. Помимо того, почти сразу был принят декрет о всеобщем избирательном праве; впервые в истории Франции в выборах получило возможность участвовать простонародье, и своим правом оно могло воспользоваться менее чем через два месяца – на выборах в Учредительное собрание. В предвыборный процесс оказались вовлечены максимально широкие круги населения, и политическая жизнь улиц не умолкала. Тот же А. Н. Карамзин сообщал на родину 27 марта 1848 г.: «Вечные выступления, демонстрации, протесты без конца. По улицам постоянно ходят многочисленные процессии рабочих с трехцветными знаменами и барабанами впереди. Треск этого несчастного барабана раздаётся как похоронный звон в ушах нервных людей и наполняет их душу страхом и отчаянием» [4, с. 42].

О роли, какую играли эти события в судьбе Базанкура, мы можем высказать предположения с опорой на некоторые косвенные данные.

Если судить по настроению того социального круга, к которому принадлежал барон, с уверенностью можно сказать, что он не был сторонником революции. Однако оставаться совершенно в стороне от происходящего он тоже не мог хотя бы потому, что перемены такого масштаба и глубины затрагивают жизнь каждого. Достаточно вспомнить, что Базанкур был капитаном национальной гвардии, оказавшейся вовлеченной в события февральского восстания.

Отсутствие лояльности к власти национальная гвардия начала демонстрировать еще в период оппозиционных «банкетов». Когда же протестующие вышли на улицы, значительная часть гвардейцев поддержала их требования об отставке кабинета Гизо и проведении избирательной реформы [34, р. 381]. Командиры легионов национальной гвардии не могли добиться повиновения подчиненных, а те разоружали муниципальную охрану и защищали восставших от полиции [34, р. 382–383]. После расстрела регулярными войсками 23 февраля демонстрации на бульваре Капуцинов значительная часть национальной гвардии влилась в ряды восставших [34, р. 384]. Это происходило стихийно, и сторону революции приняли не все, что объяснялось, прежде всего, неоднородностью социального состава. Основная часть национальной гвардии была представлена гражданами среднего класса, среди которого были распространены республиканские симпатии и недовольство политикой Луи-Филиппа. Офицерский же состав зачастую был представлен привилегированным классом, где имели большое распространение монархические убеждения. Так и получалось, в частности, что 24 февраля командир 8-го легиона, полковник Боден, попытался удержать своих подчиненных от перехода на сторону инсургентов, но был смещен [7, т. 1, с. 169]. Судя по известным нам фактам биографии барона де Базанкура и по его позднейшим текстам, он был из тех, кто остался противником восстания.

Еще один факт. После февраля 1848 г. Базанкур стал подписывать свои сочинения не «барон де Базанкур», а «Ф. де Базанкур» или просто «де Базанкур». Это стало следствием декрета временного правительства, которое в первые же дни

упразднило дворянские титулы. Как помним, для писателя псевдоним «барон де Базанкур» являлся важным атрибутом литературного и светского амплуа [6, с. 24], так что необходимость отказаться от узнаваемой подписи, думается, была воспринята им с негодованием.

А теперь вернемся к истории газеты «L'Assemblée nationale», в которой Базанкур напечатал роман «Ангел и демон».

Для высших слоев общества завоеванное революцией всеобщее избирательное право было одним из наиболее шокирующих обстоятельств. Теперь для избирательной системы голос, например, графа Моле «весил» столько же, сколько голос парижанина в рабочей блузе. Поскольку пристрастие «низов» к левым идеям было известно, рождался страх, что на выборах в Учредительное собрание 23 апреля 1848 г. победят «красные», которые изначально ставили целью создание не просто республики, а т.н. «социальной республики», предполагающей упразднение общественного неравенства. Перед лицом этой угрозы монархические силы начали быстро консолидироваться, готовясь к выборам. Открытие ежедневной газеты «L'Assemblée nationale» стало одним из первых шагов на этом пути. На базе газеты сразу же был создан политический клуб «Comité préparatoire de l'Assemblée nationale» (Подготовительный комитет Национального собрания), первое заседание которого состоялось 10 марта 1848 г.

Собрание открывалось речью главного редактора «L'Assemblée nationale» Адриена де Лавалетт, который (как, впрочем, и последующие ораторы) заверял в преданности Республике и принципам «свободы, равенства и братства» [22], но звучало это как вынужденная дань формальным требованиям новой политической данности. Судя по тому, что на заседании присутствовали и выступали исключительно крупные промышленники или бывшие высокопоставленные чиновники – «плоть от плоти, кость от кости всех бывших министерств времен правления Луи-Филиппа» (как характеризовала их газета «La Voix des clubs» [23]), – понятно, что клуб призван был стать предвыборным штабом для орлеанистов и консервативно настроенных богатых буржуа.

При этом «L'Assemblée nationale» заняла активную политическую позицию, которую П. В. Анненков характеризовал так: «“L'Assemblée nationale” <...> считала правительство просто-напросто похитителем власти, <...> и следила за каждым его движением <...>. Всякое распоряжение администрации она оспаривала во всех отношениях. Разоблачение тайных пружин клубов и партий, их скандалёзная хроника составляли также часть ее программы» [1, с. 227]. Газета быстро приобретала популярность и уже в апреле считалась конкурентом «La Presse» [1, с. 227].

Впрочем, на выборах в Учредительное собрание (23 апреля 1848 г.) монархическая партия не смогла добиться победы, заняв всего около четверти мест в парламенте. Но главное, что эти выборы не привели к умиротворению общей ситуации. Большинство в Собрании получили умеренные республиканцы, которые, как и монархисты, не готовы были идти на уступки беднейшим избирателям и социалистическим группам. Это привело к очередной катастрофе: в июне вспыхнуло восстание рабочих, которое, как известно, было подавлено с исключительной жестокостью и имело два важных последствия. Во-первых, умеренные

республиканцы сблизилась с монархистами на почве экзистенциального страха перед «красными». Во-вторых, вновь созданное правительство как бы почувствовало моральное оправдание для «закручивания гаек»: сразу же была ограничена свобода собраний и подверглась сильному давлению пресса оппозиционного характера. Несмотря на все эти меры и прямые репрессии, симпатии избирателей к радикальным республиканцам сохранялись и даже росли. Становилось очевидным, что силовыми методами можно подавить «открытое горение» общественного конфликта, но не удастся выиграть идеологическую борьбу. А это означало, что издания типа «L'Assemblée nationale», созданные для предвыборной кампании весны 1848 г., должны перестраиваться для политической игры «вдолгую», что требовало удерживать читательское внимание не только в моменты социальных взрывов, но и в периоды относительного затишья. Видимо, этими соображениями и объяснялось, что с августа 1848 г. газета начинает, помимо политических новостей, помещать в «подвальном» отделении регулярную театральную хронику, а с сентября – и романы-фельетоны. И вот одним из первых в череде этих «сериальных» сочинений стал роман Базанкура «Ангел и демон», помещавшийся в газете с 14 ноября 1848 г.

В романе, конечно, можно обнаружить идеологическую составляющую. Автор пытается погрузить читателя в атмосферу «общественных низов» и вводит в повествование ряд персонажей из числа обитателей «городского дна». Это в основном поделщики главного злодея Барбароссы, принадлежащего одновременно светскому и криминальному миру. Легко заметить в этом продолжение традиции, набравшей силу после одного из самых нашумевших романов-фельетонов – «Парижские тайны» (1842–1843) Э. Сю.

В. Г. Белинский по поводу этого романа высказал проницательное предположение, что, «может быть, год-другой все литературы и все театры завялятся тайнами и нетайнами разных городов» [2, с. 184]. Сколь уж действие в романе Базанкура разворачивается в Нью-Йорке, то и в качестве подзаголовка можно было бы использовать «Нью-Йоркские тайны». Но отметим принципиальную разницу с произведением Э. Сю. «Парижские тайны» не просто знакомили читателя с миром «отверженных», они ставили проблему несправедливости социальной системы, обрекающей бедняков на прозябание или преступления. Собственно, с «Парижский тайн» началась политизация романа-фельетона [31, р. 16]; жанр, имевший широчайшую популярность, превращался в идеологический инструмент. И в этом плане Базанкур не следовал, а противоречил Эжену Сю. Представители «городского дна» у Базанкура злонамерены уже, так сказать, «по праву рождения», а социальная двойственность Барбароссы, вхожего, подобно Родолфу из «Парижских тайн», и в светские салоны, и в криминальные притоны, трактуется как верный путь к нравственному падению.

Все это не противоречило установкам «L'Assemblée nationale», но и не дотягивало до злобы дня. Потенциальная аудитория монархической газеты вряд ли имела склонность к идеализации городских «низов». В то же время криминальный сюжет в сочетании с тривиальной любовной интригой проигрывал «реальности улиц». «Девальвацию» привычных способов занять публику почувствовал на себе не только Базанкур. Достаточно вспомнить о падении интереса к театру в тот период:

скажем, Александра Дюма с его «Историческим театром» это привело к банкротству. Причину перемен очень точно оценил П. В. Анненков: «Театр был теперь не на сцене, а на улице» [1, с. 230].

Действительно, пока печатался «криминальный» роман Базанкура «Ангел и демон», страна была занята новой политической интригой – выборами президента Второй республики. Фаворитами гонки считались руководивший правительством Кавеньяк и быстро набиравший популярность Луи-Наполеон. «L'Assemblée nationale» следовало определиться с выбором стороны. Секретарь главного редактора Гюстав Клоден вспоминал, что газета колебалась, но имевшие влияние на редакцию бывшие доктринеры (и, напомним, постоянные гости в салоне сестры Базанкура) Л.-М. Моле и Ш. де Ремюза поддерживали Луи-Наполеона. Причем это вполне согласовалось с их роялистской позицией: они считали такой ход «второстепенной дорогой, позволяющей снова вернуться на королевский путь» [21, р. 72].

Внимательно следивший за событиями А. И. Герцен уже 5 ноября 1848 г. не сомневался, что победит Луи-Наполеон [3, с. 110], клявшийся в верности идеалам Республики [8, с. 123] и обещавший избирателям множество демократических свобод [11, с. 204]. Однако для многих интрига сохранялась, предвыборная борьба обострялась, а Базанкур мог предложить газете лишь роман о нью-йоркских бандитах. 10 декабря 1848 г., когда в «L'Assemblée nationale» печаталась последняя глава «Ангела и демона», Луи Наполеон был избран президентом Франции, что стало началом новой эпохи в истории страны. Это совпадение как-то особенно оттеняло контраст между исторической реальностью и отвлеченными шаблонами романа-фельетона.

Ситуация требовала обновления жанра. Политика должна была «звучать» в романе более ясно, чем это было в эпоху Июльской монархии. Такого обновленного формата искала и «L'Assemblée nationale». Газете вряд ли мог подходить роман Базанкура «Люди в черном. Испанская история», который уже своим заглавием сообщал, что повествование бесконечно оторвано от волнующей читателя действительности.

Поиски новой формы и содержания для романа-фельетона хорошо отражает сочинение с характерным заглавием «Les communistes en 1780 [Коммунисты в 1780 г.]», печатавшееся в фельетонном разделе «L'Assemblée nationale» в апреле – мае 1849 г. [35] Текст принадлежал Ксавье де Монтепену – тогда еще начинающему литератору. Ранее он успел попробовать себя в создании бульварных романов, а позднее заслужит известность на этом поприще, но сейчас, в период полемических баталий, выступил в жанре, который можно было бы назвать «беллетризованной критикой».

К. де Монтепен обратился к изданному в 1780 г. сборнику новелл известного в свое время писателя Никола Ретиф де ла Бретонна «Les contemporaines ou Aventures des plus jolies femmes de l'âge présent [Современницы, или Приключения самых милых женщин нынешней эпохи]» и сосредоточился на одной из новелл – «Les associés, nouvel ordre de maçons, plus utile que l'ancien [Товарищество; новый масонский ордер полезнее старого]». Это история о том, как несколько небогатых парижских семейств решили создать товарищество, а по существу, коммуну, где индивидуальное имущество воспринималось бы в качестве общего, а в отношениях царил бы полное

равенство; даже украшения у женщин должны были быть равной цены. Все это закончилось конфликтами, казусами морального характера и развалом сообщества. К. де Монтепен всего лишь пересказал новеллу, сопроводив фрагменты оригинального текста саркастичными комментариями. Получилось, что материал читался как беллетристика, но внушал аудитории два идеологических посыла: 1) утопические мечты о социальном равенстве пытались применить к жизни еще накануне Великой французской революции; 2) эти мечты утопичны и деструктивны сегодня, как и прежде.

Фельетон К. де Монтепена невелик по объему и не был в чистом виде беллетристикой, но он актуализировал принцип, который уже с начала 1840-х гг. «обкатывался» литературой, а теперь выглядел особенно востребованным: роман-фельетон должен служить «упаковкой» для злободневной идеологии, по существу, средством политической борьбы. И барон де Базанкур пойдет по этому пути. В мае 1850 г. он начнет печатать в «L'Assemblée nationale» свой самый объемный роман (в 8-ми томах) «Монтаньяр, или Две республики. 1793 год – 1848 год». Уже по заглавию можно догадаться, что автор решил совместить в одном художественном полотне изображение двух революционных эпох. Ясно, что революция 1848 г. рождала в обществе ассоциации с Великой французской революцией; литература, как увидим далее, эти ассоциации подогревала и развивала, но развернутое сопоставление двух революций в рамках одного художественного текста выглядело творческим экспериментом, который должен был заинтересовать аудиторию уже самой постановкой проблемы и ее масштабом. Однако прежде, чем подробно говорить о самом романе, скажем о периоде, когда текст должен был обдумываться и создаваться.

Накануне романа о революциях

1849 год выдался для барона де Базанкура тяжелым. В феврале врачи определили, что болезнь, от которой уже давно страдала его сестра Софи, неизлечима и прогрессирует [42, р. 107]. Между тем ее муж генерал д'Арбувиль был назначен командовать войсками в Лион, и Софи отправилась в этот город вслед за ним. В апреле Базанкур навестил ее, хотя сам был болен. «Приехал мой брат, – писала Софи Сент-Беву, – больной, кашляющий от воспаления гортани, которое этой зимой доставляло нам большое беспокойство. Его только что лечили, я обнаружила, что он похож на другого моего брата, которого я потеряла из-за той же болезни» [42, р. 109]. В последней фразе речь идет о брате Фредерика Базанкура Максимильене, умершем в 1833 г. [42, р. 109].

Обратим внимание на заключение этого письма: «Прощайте, муж и брат передают вам привет. Семья подобна маленькой стране, и вы приобрели право гражданства в стране моей семьи» [42, р. 111]. Эти слова, написанные в минуту тяжелых страданий, очень убедительно характеризуют близость и важность родственных отношений не только для Софи, но, думается, и для Фредерика де Базанкура.

«Страну семьи», между тем, ждали тяжкие испытания. 15 июня 1849 г. в Лионе вспыхнуло восстание рабочих, в городе развернулись настоящие боевые действия. Генерал д'Арбувиль командовал войсками и лично руководил атаками на баррикады

и занятые повстанцами дома. На какое-то время эти события приковали внимание всей Франции; имя генерала д'Арбувиля как спасителя Лиона оказалось на первых полосах крупнейших газет. Софи в это время была в городе. Прикованная болезнью к постели, она, по свидетельству П. де Баранта, тревожилась за мужа, «зная, что он борется с яростью мятежа; слышала пушки и залпы» [13, р. XIV]. Состояние больной ухудшалось. Ее перевезли в Париж. 22 марта 1850 г. Софи д'Арбувиль умерла.

После революции 1848 г. привычный мир барона де Базанкура рушился. И дело не только в семейной трагедии. Все прежние связи барона теряли свою действенность. Родственники, граф Моле и П. де Барант, после Февраля так и не смогли восстановить свое административное влияние. Аристократический круг общения пребывал в постоянном предчувствии опасности. Дворянский титул барона теперь выглядел чуть ли не анахронизмом. Все его прежние романы почти в одночасье превратились в продукт «прежней эпохи», привычная литературная интрига уже не могла занять читателя.

В подобной ситуации оказался не только Базанкур. Многим литераторам разных политических пристрастий пришлось искать себе новое место в новых условиях. Поначалу одной из перспективных сфер казалась политика. Скажем, на выборы в Учредительное собрание баллотировались три популярнейших автора романов-фельетонов: республиканец А. Дюма, роялист П. Феваль и социалист Э. Сю [31, р. 24]. Не прошел никто! Литературная популярность не конвертировалась в политический авторитет; в Собрание проходили либо финансовые и административные «тяжеловесы», либо действительно упорные политические бойцы. На этом пути еще мог испытать судьбу «спаситель Лиона» генерал д'Арбувиль, решивший баллотироваться от департамента Сены на дополнительных выборах в Законодательное собрание. Но, во-первых, во время предвыборной кампании пресса оппонентов не пощадила генерала: его называли в числе «наиболее скомпрометированных и запятнанных» фигур «прежней коррупционной власти» [32]; писали, что он «суммирует в себе все качества, с которыми ныне идет борьба», и даже припомнили, что его тесть, отец барона де Базанкура, причастен к расправе над принцем Энгийским [29]. Во-вторых, хотя генерал д'Арбувиль и получил солидную рекламную поддержку со стороны «L'Assemblée nationale» [28], в Собрание он так и не попал, сняв свою кандидатуру накануне выборов [44]. Судя по характеру и привычкам барона де Базанкура, он сам не был склонен к подобным экспериментам.

При отсутствии непосредственной политической деятельности оставался путь литературного участия в современной жизни, но это требовало поиска новшеств. Недюжинную изобретательность в этом смысле проявил, например, А. Дюма. По меткому выражению канадского исследователя Стива Сойера, Дюма «желал творить историю», но, не найдя для себя ниши в реальной политике, «был вынужден писать историю» [41, р. 34]. Романист основал ежемесячную газету «Le Mois», которую сам же и наполнял обзорами недавних событий, исполняя таким образом роль «летописца республиканских новостей»; писатель, «сумевший донести до народа его национальную историю, стал <...> дешифровщиком современной истории» [40, р. 62]. В схожем направлении должен был рассуждать и Базанкур: освоенные прежде литературные навыки необходимо приравнивать к требованиям

современного момента. Так или иначе, но конкретное выражение поисков должно было диктоваться актуальной реальностью.

Тем временем политическая жизнь вроде бы демонстрировала успехи партии, которую поддерживал барон де Базанкур. Луи-Наполеон после избрания на пост президента сделал ставку на монархистов. Административная вертикаль подверглась «чистке», в результате которой республиканцы лишились управленческих рычагов. Затем было разрушено республиканское большинство в Учредительном собрании, а полномочия самого Собрания депутаты решили прервать ранее законных сроков; на его место должно было заступить Законодательное собрание.

На новые выборы противники республиканского образа правления шли, объединившись в т. н. «партию порядка», куда стеклись легитимисты, орлеанисты, бонапартисты, просто крупные собственники – те, в чьем распоряжении находились административный, финансовый, а соответственно, информационный ресурсы. Эта сила предсказуемо набрала большинство в Законодательном собрании, и все же результат оказался для монархистов пугающим: невзирая на все рычаги давления почти 2 мил. французов проголосовали за радикальных республиканцев, занявших в парламенте 180 мест. На карте Франции «высветились» целые регионы (вроде промышленного Лиона), голосовавшие за «красные списки» [7, т. 2, с. 7]. Не прошло и месяца после выборов, а левые силы уже сумели организовать против решений Законодательного собрания масштабную демонстрацию в Париже, а в Лионе вспыхнуло восстание – то самое, с которым пришлось бороться зятю барона де Базанкура генералу д'Арбувилю.

«Партию порядка» неслучайно называли «партией страха» [8, с. 133]. Действительно, ее участники объединились именно из опасений перед тем влиянием, которое набирали «красные» идеи. В качестве агитационного аргумента также использовался страх перед этими идеями. Как отмечает историк А. Ю. Смирнов, в 1849–1850-х гг. во Франции «были очень популярны дешевые, в смысле цены, брошюры, в которых разоблачались социализм и коммунизм: первый как простое варварство, только в невиданных масштабах, а второй как всеобщее обобществление, что неизбежно вернет человечество в состояние первобытного общества» [8, с. 162].

Тактика борьбы «партии порядка» предполагала, с одной стороны, антикоммунистическую пропаганду, с другой – законодательное давление на «красные» издания. Эффект, однако, был ограниченным: на дополнительных выборах в Законодательное собрание избиратели продолжали поддерживать демократов. Тогда монархическое большинство решилось на крайнюю меру, нарушающую конституцию, – ограничить всеобщее избирательное право, учредив замаскированный имущественный ценз и таким образом ослабив электоральную базу «красных». Это решение обнуляло одно из главных завоеваний революции 1848 г. Оно было принято 31 мая 1850 г. Как раз в этот день на страницах «L'Assemblée nationale» начал печататься роман Базанкура «Монтаньяр, или Две республики. 1793 год – 1848 год». Забегая вперед, скажем, что идеологически роман соответствовал политическим задачам «партии порядка», поскольку в невыгодном свете изображал радикальных республиканцев – прошлых и нынешних. Впрочем, подробно об этом будем говорить в продолжении этой статьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А пока остановимся на той мысли, что Февраль 1848 г. существенно повлиял на судьбу и творчество барона де Базанкура. С одной стороны, революция пошатнула его общественное положение, ослабив влияние социального круга, к которому он принадлежал, и сделав неактуальными налаженные контакты в сферах прежнего правительства. С другой стороны, революция радикально изменила читательскую ситуацию. Привычная для Базанкура манера письма и тематика его романов больше не могли увлекать аудиторию, всецело поглощенную бурливыми политическими событиями.

Политическая борьба охватила всю сферу печати, и писателю пришлось принимать условия этой борьбы, выбирать *свою* сторону. В результате он оказался среди сотрудников монархической газеты «L'Assemblée nationale» и, стало быть, в лагере монархических сил, полагавших среди наиболее важных задач идеологическую, пропагандистскую борьбу против левых идей и партий. Такое положение вещей закономерно подталкивало Базанкура к поиску новых творческих ходов, которые позволили бы использовать его литературный опыт в интересах *своей* политической партии. Результатом поисков стал роман «Монтаньяр, или Две республики. 1793 год – 1848 год».

Список литературы

1. Анненков П. В. Парижские письма. – М.: Наука, 1983. – 608 с.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 8. Статьи и рецензии. 1843–1845. – М.: АН СССР, 1955. – 728 с.
3. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. Т. 23. Письма 1847–1850 годов. – М.: АН СССР, 1961. – 500 с.
4. Карамзин А. Н. Письма А. Н. Карамзина. 1847–1848. Материалы по истории французской революции 1848 г. по документам Крымского центрального архивного управления / вступ. ст. Е. В. Петухова. – Л.; М.: АН СССР, 1935. – 51 с.
5. Коллекция императрицы Александры Федоровны (старшей) // НЭБ. Реестр книжных памятников. Режим доступа: <https://knpram.rusneb.ru/collections/80691>. – (Дата обращения: 21.01.2025).
6. Орехов В. В. Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть III. Светский портрет и литературная личность // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 4. – С. 21–53.
7. Революции 1848–1849 [В 2-х т.] / Под ред. Ф. В. Потемкина, А. И. Молока. – Москва: АН СССР, 1952. – Т. 1. – 847 с.; Т. 2. – 639 с.
8. Смирнов А. Ю. Империя Наполеона III. – М.: Эксмо, 2003. – 288 с.
9. Современные заметки. II // Современник. – 1847. – Т. 2. – Кн. 3. – Отд. 4. – С. 64–80.
10. Тарле Е. В. Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение. Июльская монархия, вторая республика, начало второй империи // Литературное наследство. Т. 31–32. – М.: Наука, 1937. – С. 563–663.
11. Черкасов П. П. Наполеон III – император французов // Новая и новейшая история. – 2012. – № 3. – С. 197–216.
12. Achard A. La chasse royale. Un lazzarone. I // L'Assemblée nationale. – 1849. – 15 février. – P. 1–2.
13. Barant de. <Préface> «Les poésies et les récits...» // Arbouville, S. d' Poésies et nouvelles. [En 3 vols]. – Paris: Amyot, 1855. – Т. 1. – P. I–XV.

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. ЧАСТЬ VI...

14. *Bazancourt [baron] de*. Nécrologie le colonel d'Espinay // *La Patrie*. – 1851. – 1 mai. – P. 5.
15. *Bazancourt F. [baron] de*. Ange et demon. – Bruxelles: Meline, Cans et compagnie, 1850. – 261 p.
16. *Bazancourt F. [baron] de*. Ange et demon. Chapitre douzième (Suite) // *L'Assemblée nationale*. – 1848. – 10 décembre. – P. 1.
17. *Bazancourt F. [baron] de*. Ange et demon. Chapitre premier // *L'Assemblée nationale*. – 1848. – 14 novembre. – P. 1–2.
18. *Bazancourt F. [baron] de*. Les ailes d'un ange. – Paris: Hippolyte Souverain, 1852. – T. 1. – 308 p.; T. 2. – 292 p.
19. César Lecat, baron de Bazancourt... № 013253 // Livre rare book. Available from: <https://www.livre-rare-book.com/book/23527528/013253> (accessed 21 January 2025).
20. Chambre des députés // *Journal des débats politiques et littéraires*. – 1847. – 11 février. – P. 2–3.
21. *Claudin G*. Mes souvenirs: les boulevards de 1840–1870. – Paris: Calmann Lévy, 1884. – 346 p.
22. Comité préparatoire de l'assemble nationale // *L'Assemblée nationale*. – 1848. – 11 mars. – P. 1.
23. Comité préparatoire de l'assemble nationale // *La Voix des clubs*. – 1848. – 13 mars. – № 2. – P. 2.
24. Cour d'assises de la Seine // *Journal des débats politiques et littéraires*. – 1850. – 1 septembre. – P. 3.
25. *Dumas A*. Histoire de mes bêtes. – Paris: Lévy frères, 1868. – 333 p.
26. *Duma A*. La mission dont M. Alexandre Dumas... // *Le Siècle*. – 1847. – 11 février. – P. 3.
27. *Dumas A*. Le Véloce, ou Tanger, Alger et Tunis. – Paris: Bureaux du “Siècle”, 1855. – 127 (321–447) p.
28. Elections // *L'Assemblée nationale*. – 1850. – 1 mars. – P. 1.
29. Elections de Paris // *La Liberté*. – 1849. – 25 novembre. – P. 2.
30. Faits divers // *La Patrie*. – 1847. – 9 septembre. – P. 4.
31. *Hallade S*. Aux frontières de la littérature et de la politique: les feuilletonistes Alexandre Dumas, Paul Féval et Eugène Sue sous la Deuxième République, des écrivains transgressifs? // *Sociétés & Représentations*, 2015, no 39, p. 13–32.
32. Intérieur // *L'Éclaireur des Pyrénées*. – 1849. – 22 décembre. – P. 1.
33. *Janzé A. de*. Etude et récits sur Alfred de Musset. – Paris: E. Plon, Nourrit, 1891. – 279 p.
34. *La Bédollière É. de*. Histoire de la garde nationale: récit complet de tous les faits qui l'ont distinguée depuis son origine jusqu'en 1848. – Paris: H. Dumineray et F. Pallier, 1848. – 396 p.
35. *Montépin X. de*. «Les communistes en 1780» // *L'Assemblée nationale*. – 1849. – 26 avril. – P. 1–2; 28 avril. – P. 1–2; 1 mai. – P. 1–2; 2 mai. – P. 1–2.
36. *Mullié Ch*. Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. T. II. – Paris: Poignavant, 1851. – 559 p.
37. Nouvelles de Paris // *La République de 1848*. – 1849. – 11 mai. – P. 4.
38. Nouvelles diverses // *Le Dix décembre*. – 1850. – 21 février. – P. 3.
39. Nouvelles et faits divers // *La Presse*. – 1847. – 8 septembre. – P. 1.
40. *Saminadayar-Perrin C*. Le Mois (1848). Les paradoxes d'une histoire immédiate // *Un mousquetaire du journalisme: Alexandre Dumas*. – Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté, 2019. – pp. 47–62.
41. *Sawyer S*. La Revolution selon Alexandre Dumas. A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements of the degree of Master's of Art. – Montreal, 1994. – 162 p.
42. *Séché L*. Muses romantiques: Madame d'Arbouville d'après ses lettres à Sainte-Beuve: 1846–1850: documents inédits, portraits, vues et autographe. – Paris: Mercure de France, 1909. – 302 p.
43. Tribunal sivil de la Seine // *Le Siècle*. – 1847. – 30 janvier. – P. 3–4.
44. Union électorale // *Journal des villes et des campagnes*. – 1850. – 10 mars. – P. 1.
45. Voici dans quels termes... // *Le Siècle*. – 1846. – 14 juin. – P. 3.

References

1. Annenkov P. V. *Parizhskie pis'ma* [Parisian letters]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 608 p.
2. Belinskij V. G. *Polnoe sobranie sochinenij: V 13 t. T. 8. Stat'i i recenzii. 1843–1845* [Complete Works: In 13 volumes. Vol. 8. Articles and reviews. 1843–1845]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1955. 728 p.
3. Gercen A. I. *Sobr. soch.: v 30 t. T. 23. Pis'ma 1847–1850 godov* [Collected works: in 30 volumes. Volume 23. Letters from 1847–1850]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1961. 500 p.
4. Karamzin A. N. *Pis'ma A. N. Karamzina. 1847–1848. Materialy po istorii francuzskoj revoljucii 1848 g. po dokumentam Krymskogo central'nogo arhivnogo upravlenija* [Letters by A. N. Karamzin. 1847–1848. Materials on the history of the French Revolution of 1848 based on documents of the Crimean Central Archival Administration]. Leningrad, Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1935. 51 p.
5. *Kollekcija imperatricy Aleksandry Fedorovny (starshej)* [Collection of Empress Alexandra Feodorovna (the Elder)]. *NJeB. Reestr knizhnyh pamjatnikov*. Available from: <https://knpam.rusneb.ru/collections/80691> (accessed 21 January 2025).
6. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' III. Svetskij portret i literaturnaja lichnost'* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part III. Secular portrait and literary personality]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2023, vol. 9 (75), no. 4, pp. 21–53.
7. *Revoljucii 1848–1849. V 2-h t.* [Revolutions of 1848–1849. In 2 volumes]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1952, vol. 1–2.
8. Smirnov A. Ju. *Imperija Napoleona III* [Empire of Napoleon III]. Moscow, Jeksno Publ., 2003. 288 p.
9. *Sovremennye zametki. II* [Contemporary Notes. II]. *Sovremennik*, 1847, vol. 2, book 3, section 4, pp. 64–80.
10. Tarle E. V. *Donesenija Jakova Tolstogo iz Parizha v III otdelenie. Ijul'skaja monarhija, vtoraja respublika, nachalo vtoroj imperii* [Reports of Yakov Tolstoy from Paris to the Third Section. The July Monarchy, the Second Republic, the Beginning of the Second Empire]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 31–32*. Moscow, Nauka Publ., 1937, pp. 563–663.
11. Cherkasov P. P. *Napoleon III – imperator francuzov* [Napoleon III – Emperor of the French]. *Novaja i novejšhaja istorija*, 2012, no. 3, pp. 197–216.
12. Achar d. *La chasse royale. Un lazzarone. I* // L'Assemblée nationale, 1849, 15 février, pp. 1–2.
13. Barant de. <Préface> «*Les poésies et les récits...*» // Arbouville S. d' Poésies et nouvelles. [En 3 vols]. Paris, Amyot, 1855, vol. 1, pp. I–XV.
14. Bazancourt [baron] de. *Nécrologie le colonel d'Espinay* // La Patrie. 1851, 1 mai, p. 5.
15. Bazancourt F. [baron] de. *Ange et demon*. Bruxelles, Meline, Cans et compagnie, 1850. 261 p.
16. Bazancourt F. [baron] de. *Ange et demon. Chapitre douzième (Suite)* // L'Assemblée nationale, 1848, 10 décembre, p. 1.
17. Bazancourt F. [baron] de. *Ange et demon. Chapitre premier* // L'Assemblée nationale, 1848, 14 novembre, pp. 1–2.
18. Bazancourt F. [baron] de. *Les ailes d'un ange*. Paris, Hippolyte Souverain, 1852, vol. 1–2.
19. *César Lecat, baron de Bazancourt... № 013253* // Livre rare book. Available from: <https://www.livre-rare-book.com/book/23527528/013253> (accessed 21 January 2025).
20. *Chambre des députés* // Journal des débats politiques et littéraires, 1847, 11 février, pp. 2–3.
21. Claudin G. *Mes souvenirs: les boulevards de 1840–1870*. Paris, Calmann Lévy, 1884. 346 p.
22. *Comité préparatoire de l'assemble nationale* // L'Assemblée nationale, 1848, 11 mars, p. 1.
23. *Comité préparatoire de l'assemble nationale* // La Voix des clubs, 1848, 13 mars, no. 2, p. 2.
24. *Cour d'assises de la Seine* // Journal des débats politiques et littéraires, 1850, 1 septembre, p. 3.
25. Dumas A. *Histoire de mes bêtes*. Paris, Lévy frères, 1868. 333 p.
26. Duma A. *La mission dont M. Alexandre Dumas...* // Le Siècle, 1847, 11 février, p. 3.
27. Dumas A. *Le Véloce, ou Tanger, Alger et Tunis*. Paris, Bureaux du “Siècle”, 1855. 127 (321–447) p.

BARON DE BAZANOUR: LITERATOR, HISTORIAN, MILITARY CORRESPONDENT. PART VI...

28. *Elections* // L'Assemblée nationale, 1850, 1 mars, p. 1.
29. *Elections de Paris* // La Liberté, 1849, 25 novembre, p. 2.
30. *Faits divers* // La Patrie, 1847, 9 septembre, p. 4.
31. Hallade S. *Aux frontières de la littérature et de la politique: les feuilletonistes Alexandre Dumas, Paul Féval et Eugène Sue sous la Deuxième République, des écrivains transgressifs?* // Sociétés & Représentations, 2015, no. 39, p. 13–32.
32. *Intérieur* // L'Éclaireur des Pyrénées, 1849, 22 décembre, p. 1.
33. Janzé A. de. *Etude et récits sur Alfred de Musset*. Paris, E. Plon, Nourrit, 1891. 279 p.
34. La Bédollière É. de. *Histoire de la garde nationale: récit complet de tous les faits qui l'ont distinguée depuis son origine jusqu'en 1848*. Paris, H. Dumoineray et F. Pallier, 1848. 396 p.
35. Montépin X. de. «*Les communistes en 1780*» // L'Assemblée nationale, 1849, 26 avril, pp. 1–2; 28 avril, pp. 1–2; 1 mai, pp. 1–2; 2 mai, pp. 1–2.
36. Mullié Ch. *Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. T. II*. Paris, Poignavant, 1851. 559 p.
37. *Nouvelles de Paris* // La République de 1848, 1849, 11 mai, p. 4.
38. *Nouvelles diverses* // Le Dix décembre, 1850, 21 février, p. 3.
39. *Nouvelles et faits divers* // La Presse, 1847, 8 septembre, p. 1.
40. Saminadayar-Perrin C. *Le Mois (1848). Les paradoxes d'une histoire immédiate* // Un mousquetaire du journalisme: Alexandre Dumas. Besançon, Presses universitaires de Franche-Comté, 2019, pp. 47–62.
41. Sawyer S. *La Revolution selon Alexandre Dumas. A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements of the degree of Master's of Art*. Montreal, 1994. 162 p.
42. Séché L. *Muses romantiques: Madame d'Arbouville d'après ses lettres à Sainte-Beuve: 1846–1850: documents inédits, portraits, vues et autographe*. Paris, Mercure de France, 1909. 302 p.
43. *Tribunal sivil de la Seine* // Le Siècle, 1847, 30 janvier, pp. 3–4.
44. *Union électorale* // Journal des villes et des campagnes, 1850, 10 mars, p. 1.
45. *Voici dans quels termes...* // Le Siècle, 1846, 14 juin, p. 3.

**BARON DE BAZANOUR:
LITERATOR, HISTORIAN, MILITARY CORRESPONDENT.
PART VI.
THE SECOND REPUBLIC: POLITICAL REALITY AND LITERATURE**

Orekhov V. V.

The article examines the period of Baron de Bazancourt's creative biography from the moment of the publication of the historical work "History of Sicily..." (1846) to the publication of his most voluminous novel "Montagnard, or Two Republics. 1793-1848" (1850-1851). The writer's creative plans were significantly influenced by the revolution of 1848. In the conditions of intensified political struggle, he found himself in the "camp" of the monarchists and tried to adapt his artistic style to the requirements of the political newspaper "L'Assemblée nationale". The weak success of the novel "Angel and Demon" (1848) demonstrated that the previous themes and techniques of the adventure novel-feuilleton did not find a response among the audience absorbed in political issues. The novel "Montagnard..." became the writer's response to the changed political situation and renewed reader demand.

Key words: Revolution of 1848, Montagnards, A. Dumas, novel-feuilleton, tendentiousness.